

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

А.А. Скворцов

ТРАНСФОРМАЦИЯ САМОУБИЙСТВА: ОТ СУИЦИДА ДО ЭВТАНАЗИИ

**Размышления о монографии А.В. Антипова
«Суицид и эвтаназия в биоэтике: история и современность».
М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2024**

Скворцов Алексей Алексеевич – кандидат философских наук, доцент. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4; e-mail: lambis@mail.ru

Статья представляет собой рецензию на книгу А.В. Антипова «Суицид и эвтаназия в биоэтике: история и современность». В рецензии показывается, как из фундаментального научного анализа феномена суицида, изложенного в монографии, автор выводит две основных тенденции: секуляризации и медикализации. Обе подразумевают дальнейшую либерализацию отношения к нему общества. Анализ процесса медикализации суицида демонстрирует, как естественно-научный взгляд на него сначала привел к практикам превенции, а потом стал допускать медицинскую помощь при осуществлении ухода из жизни. Эта точка зрения проявилась в двух явлениях: эвтаназии и ассистированного врачом самоубийства. Если в первом случае помощь в прекращении жизни осуществляется медиком путем намеренного вмешательства, то во втором медик лишь указывает на средство лишения жизни, оставляя за суицидентом выбор самостоятельно воспользоваться им. В книге показано, что оба явления появились как попытка предотвратить спонтанный индивидуальный суицид и поместить его в рамки рациональной практики, осуществляемой под надзором компетентных лиц. Но тот факт, что в связи с легализацией эвтаназии в некоторых странах медицина становится замешанной в оправдании смертельных исходов, роковым образом разрушает направленность самой медицины на защиту ценности жизни.

Ключевые слова: суицид, смерть, эвтаназия, биоэтика, свобода воли, произвол, медикализация

Для цитирования: Скворцов А.А. Трансформация самоубийства: от суицида до эвтаназии. Размышления о монографии А.В. Антипова «Суицид и эвтаназия в биоэтике: история и современность» // Философский журнал / Philosophy Journal. 2024. Т. 17. № 3. С. 190–195.

Монография А.В. Антипова представляет собой увлекательное, глубоко продуманное философское исследование, посвященное изучению одного из самых таинственных сюжетов мировой культуры. Всем хорошо известно, что суицид – это добровольный уход из жизни, «вольная смерть», которая осуществляется человеком сознательно и, как правило, индивидуально¹. Но это только с первого взгляда. Само русское слово «самоубийство» указывает нам, что речь идет все же о разновидности убийства, в котором совпадают субъект и объект. А раз это убийство, то мы имеем дело с нарушением фундаментальной заповеди, с разновидностью зла. И тот факт, что самоубийца не покушается ни на одну жизнь, кроме собственной, еще ничего не говорит о мере тяжести этого поступка. В действительности, как неоднократно показывается в книге², мы считаем такого рода проявление воли радикальным произволом, само действие исключительно трагичным, а жертву – несчастным человеком, не нашедшим в себе сил жить (С. 37–41). И каждый из нас убежден, что в стабильном обществе таких исходов не должно быть. Но если все же бывает (автор показывает, что ежегодно в мире происходит свыше 800 тыс. самоубийств (С. 9)), окружающие недоумевают: как можно намеренно убить себя, т.е. как возможно уничтожить самое близкое к себе существо? Того «самого себя», любовь к которому в Евангелии считается эталонной любовью к другому (Мф.: 22, 39). И если убийство другого является пороком ненависти, то убийство себя – проявлением порока отчаяния, которое не свободно от той же ненависти и к другим, и к себе.

Часто ужасаясь решению самоубийцы, возлагая на него ответственность за поступок, мы все же пытаемся разобраться в его мотивах, и тогда у нас появляется сомнение: насколько решение жертвы было «свободным», т.е. насколько он владел собой на момент принятия решения о смерти? Именно это сомнение выводит нас на главную дилемму, вокруг которой выстраивается сюжет всей книги: является ли суицид действительно «вольной смертью», т.е. решением, проистекающим из глубокого убеждения, или все же решением, принятым под воздействием превосходящих обстоятельств? Иными словами, становится ли суицид актом свободы либо актом окончательного порабощения? Здесь уместно вспомнить инженера Кириллова из «Бесов», анализу образа которого посвящен целый параграф монографии (С. 113–117). Герой Ф.М. Достоевского посредством самоубийства желает манифестировать абсолютную свободу, воображая себя «заместителем Бога», но в итоге, перед самой смертью, становится объектом манипуляции бунтовщиков, преследующих свои цели³.

Ответы на заданные вопросы приводят размышляющего о суициде в метафизическую глубину, где сталкиваются темы автономии и гетерономии, свободы воли и моральной оценки этой воли. Если суицид – это рабство воли, то в нем не может быть ничего хорошего, но если это – проявление свободы, то, возможно, сам самоубийца видит в нем проявление своего суверенного решения, которое хотя бы для него считается благом. Но считается ли оно благом для других и для самого общества? Ему невозможно согласиться с проявлением такого рода автономии.

¹ Аванесов С.С. Вольная смерть. Ч. 1: Основания философской суицидологии. Томск, 2003.

² Антипов А.В. Суицид и эвтаназия в биоэтике: история и современность. М., 2024. Далее цитаты по этому изданию даются в тексте в скобках с указанием страницы.

³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10: Бесы. Л., 1974. С. 472.

В попытках пролить свет на многочисленные затруднения при размышлении о суициде, А.В. Антипов обращается к европейской традиции, в которой не было ни одного значимого философа, не рассуждавшего об этом явлении. Перед читателем проходит цепь мыслей, мнений, сравнений и аргументов, касающихся суицида, начиная с античности и заканчивая современностью. Если суммировать взгляды на моральную оценку самоубийства, то в истории европейской культуры существует очевидная тенденция. При господстве христианского мировоззрения суицид категорически осуждался, вплоть до репрессий и по отношению к уже умершему, и по отношению к тем, кто помог ему уйти из жизни (С. 64–68). Как только начало укрепляться секулярное сознание, то суицид иногда находил поддержку в виде рациональных аргументов банального здравого смысла. Если жизнь человека принадлежит ему одному, то, получается, и решение о смерти принимается только им (С. 174–179). Однако и такая точка зрения также вызывает возражение, особенно со стороны тех, кто убежден в существовании обязанностей человека по отношению к другим и к обществу в целом (С. 123–139). Но все же основная оригинальность книги заключается в раскрытии смысла еще одной важной тенденции, которая в итоге помещает суицид в биоэтический контекст медикализации (С. 141–151). Если дилемма «религиозное–нерелигиозное» оборачивается оппозицией «недопустимое–допустимое», то медикализованный взгляд, выступая против обыденного, ведет к оппозиции «свободное–несвободное», и в данном случае «свободное» является синонимом зла. Именно с точки медицинского знания считается, что суицид не может быть свободным выбором; он всегда является следствием безличной болезни, как бы сторонники произвола ни настаивали на возможности свободного выбора даже в трагических обстоятельствах (С. 152–155).

В ценностном плане медикализованный взгляд, берущий свои истоки в социологических наблюдениях за суицидом и продолжающийся в рамках особой науки суицидологии, встает на сторону секулярно-научного и снижает моральную остроту. Для медицины суицид, разумеется, зло, но такое зло, которое имеет естественные причины, кроющиеся главным образом в лабиринтах мысли. Если речь идет о ментальных расстройствах, то на поле изучения суицидального поведения вступает психиатрия, и до сих пор психиатрическое сопровождение принудительно остается с неудавшимся самоубийцей. В книге приводятся доводы за и против такого сопровождения, а также рассматриваются различные способы превенции суицида (С. 194–199).

И все же, пытаясь противостоять самоубийству врачебными методами, медикализованный разум во второй половине XX в. парадоксальным образом берет курс на его оправдание и постепенное применение. Оно солидаризировалось с либеральной точкой зрения, полагающей, что если больного невозможно излечить, то ему можно помочь уйти из жизни, например, при помощи эвтаназии. Медицина придет на помощь человеку, если он желает жить, а если не желает? Будет ли здесь уместна помощь и в чем она будет заключаться? Можно ли считать помощью прекращение страданий? Самая оригинальная мысль книги заключается в том, что в результате таких размышлений обычный, индивидуальный суицид трансформируется в две разновидности медикализованного самоубийства – эвтаназию и ассистированный врачом уход из жизни (С. 143–151). Различие между ними – не всегда интуитивно понятно, и автор тратит много усилий, чтобы провести

необходимый водораздел. К примеру, показывается, что современное понимание эвтаназии не всегда включает медицинский контекст, а ассистированный уход, напротив, всегда подразумевает помощь врача, но не его прямое вовлечение в процесс. При этом у них есть одна общая с суицидом черта: все они – искусственное прекращение жизни, только в первом случае часто в одиночестве, без свидетелей, в двух других – со свидетелями, с медицинским вмешательством, а иногда и при помощи специального института.

Эвтаназия с правовой точки зрения разрешена не везде, а там, где разрешена, надо внимательно разбираться в юридических тонкостях ее легализации. Но с большой тревогой мы видим, как с каждым годом ее легализует все большее количество западных стран. Несмотря на целую паутину аргументов за и против такого исхода, несмотря на целый ряд социокультурных интерпретаций, в книге отчетливо подразумевается, что эвтаназию можно с полным правом назвать узаконенным суицидом. В правовых документах Нидерландов, переведенных автором в приложении к монографии, знакомое нам слово «эвтаназия» не встречается вообще; там речь идет либо о «прекращении жизни», либо о «помощи в самоубийстве» (С. 266). Получается, с развитием цивилизации суицид эволюционирует от индивидуального решения, чьи мотивы часто спонтанны и никогда до конца не ясны, к внешне респектабельному уходу из жизни под медицинским надзором, когда медики, вместо того, чтобы защитить человека от рокового решения, фактически исполняют волю самоубийцы. Несмотря на внешне продуманные положения, которые будто убеждают нас согласиться с неизбежным исходом для несчастной жертвы, мы понимаем, насколько они легко опровержимы. Даже трудно представить, чтобы такой документ был создан юристами-профессионалами. Что, например, такое «должная забота» или «просьба тщательно обдумана»? Философски на эти вопросы можно ответить как угодно, в зависимости от мировоззренческой позиции отвечающего, но от этих ответов будет зависеть и жизнь человека, и наша оценка действий тех, кто лишил человека жизни.

Процесс медикализации, осуществленный в области завершения жизни, добился лишь одной цели: самоубийство из непредсказуемого спонтанного решения одиночки превращается в морально санкционированную, рационально просчитанную практику, стремящуюся к расширению условий своей допустимости (С. 235–250). Как классический суицид может быть осуществлен по любой причине, так и эвтаназия тяготеет к тому, чтобы вырваться из медицинского контекста и стать либо решением заинтересованных родственников, либо постановлением комиссии, где голос медиков может оказаться незначительным, а решение – заведомо предсказуемым. И здесь мы сталкиваемся с новой тайной, но уже не метафизической, а скорее социальной: почему зажиточные страны Запада, обладающие прогрессивной медициной, допускают, что эта медицина не защищает до конца жизнь пациента, не разрабатывает новые технологии борьбы за жизнь и ухода за паллиативными пациентами, а готова смириться с внешне самым элементарным выходом, фактически реализуя заветное желание самоубийцы? Получается парадокс: если религиозное сознание решительно осуждало суицид, то современное медицинское сознание, внешне его осуждая и даже предлагая помощь в виде всякого рода психотерапии, все же готово его поддержать на определенных условиях и даже предложить свое посредничество в осуществлении. Быть может, обществу стоит поискать иной спо-

соб ухода за умирающими, которые не предполагают обращения к суицидальным практикам? Над этим обстоятельством стоит серьезно задуматься, иначе суицид из редкого акта своеволия рискует превратиться в далеко не редкий случай социально продуманного и обоснованного самоубийства, где под видом «последней воли» умирающего будут продвигаться сугубо прагматические цели.

Как любая книга, монография А.В. Антипова, раскрывающая бесконечное содержание, связанное с тайной автономии и свободы воли, имеет ограничение по объему и по набору тем. Некоторые темы кажутся особенно широкими, покидающими пространство основной проблематики суицида. В главе 6 (С. 202–235) автор, основываясь на мнении некоторых исследователей⁴, указывает на их понимание окружающей культуры по большей части как суицидальной, пронизанной культом смерти и некроэстетики. Именно на этом умонастроении основано огромное количество исследований смерти (как культурологических, так и биолого-физиологических), составляющих целый корпус *death studies* (С. 218–235). Но если это так, то уходит острота понимания самоубийства как редкого, шокирующего акта, находящегося в остром противоречии с мировоззрением любви к жизни. Суицид, в таком случае, становится почти культурно и даже технологически обоснованным явлением, не противоречащим базовым интуициям морального сознания. Но все же нравственное размышление не может мириться с фактом добровольной смерти.

А.В. Антипов, изучая вечные тайны радикального своеволия, приводит в книге фундаментальную историческую и теоретическую справку относительно дискуссий в мировой философии, обсуждающих различные точки зрения на моральное обоснование искусственного прерывания жизни. Он не защищает ни одну из них, и тем более он далек от того, чтобы навязать нам какой-либо взгляд. Автор просто приглашает нас порассуждать над проблемой, которую многие философы считали одной из важнейших в философии⁵, причем порассуждать, исходя из установки исключительной ценности человеческой жизни. И это приглашение размышлять, а не просто получить информацию, передает книге особую глубину, которая выражается в том числе в ярком гуманистическом пафосе. Если человек вместе с автором книги серьезно задумается о смысле жизни и смерти, продумает аргументы за и против различных драматических исходов, он никогда не решится на роковой поступок. В суициде главную опасность составляет его эмоциональность и спонтанность, а тот, кто размышляет и думает о губительности саморазрушения, в значительной степени защищен от этой угрозы.

Список литературы

- Аванесов С.С. Вольная смерть. Ч. 1: Основания философской суицидологии. Томск: Том. гос. ун-т, 2003.
- Антипов А.В. Суицид и эвтаназия в биоэтике: история и современность. М.: Канон-РООИ «Реабилитация», 2024.
- Брайдотти Р. Постчеловек / Пер. с англ. Д. Хамис. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021.
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10: Бесы. Л.: Наука, 1974.

⁴ Брайдотти Р. Постчеловек. М., 2021. С. 213–222.

⁵ Камю А. Бунтующий человек. М., 2014.

Камю А. Бунтующий человек / Пер. с фр. Ю. Денисов и др. М.: АСТ, 2014.

Transformation of suicide: from suicide to euthanasia. Reflections on A.V. Antipov's monograph "Suicide and Euthanasia in Bioethics: History and Modernity"

Aleksei A. Skvortsov

Lomonosov Moscow State University. 27/4 Lomonosovskii av., Moscow, 119234, Russian Federation; e-mail: lambis@mail.ru

The article is a review of the Alexey Antipov's book "Suicide and euthanasia: history and modernity". The review shows how, from the fundamental scientific analysis of the phenomenon of suicide outlined in the monograph, the author deduces two main trends: secularization and medicalization. Both imply the further liberalization of society's attitude towards it. An analysis of the process of suicide medicalization demonstrates how the natural scientific view of it first led to the practice of prevention, and then began to allow medical assistance in ending life. This view has manifested itself in two phenomena: euthanasia and physician-assisted suicide. If in the first case, assistance in ending life is carried out by a physician through deliberate intervention, then in the second, the physician only indicates a means of taking life, leaving the suicider the choice to use it independently. The book shows that both phenomena emerged as an attempt to prevent spontaneous individual suicide and place it within the framework of rational practice carried out under the supervision of competent persons. But the fact that, due to the legalization of euthanasia in some countries, medicine has become complicit in justifying deaths, fatally destroys the focus of medicine itself on protecting the value of life.

Keywords: suicide, death, euthanasia, bioethics, free will, arbitrariness, medicalization

For citation: Skvortsov, A.A. "Transformatsiya samoubiistva: ot suitsida do evtanazii. Razmyshleniya o monografii A.V. Antipova 'Suitsid i evtanaziya v bioetike: istoriya i sovremennost'" [Transformation of suicide: from suicide to euthanasia. Reflections on A.V. Antipov's monograph 'Suicide and Euthanasia in Bioethics: History and Modernity'], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2024, Vol. 17, No. 3, pp. 190–195. (In Russian)

References

- Antipov, A.V. *Suicid i evtanaziya v bioetike: istoriya i sovremennost'* [Suicide and euthanasia in bioethics: history and modernity]. Moscow: Kanon+ ROOI 'Reabilitaciya' Publ., 2024. (In Russian)
- Avanesov, S.S. *Vol'naya smert'. Chast' 1: Osnovaniya filosofskoj suicidologii* [A free death, Pt. 1: Foundations of philosophical suicidology]. Tomsk: Tomsk St. Univ. Publ., 2003. (In Russian)
- Braidotti, R. *Postchelovek* [The Posthuman], trans. by D. Khamis. Moscow: Gaidar Institute Publ., 2021. (In Russian)
- Camus, A. *Buntuyushchii chelovek* [The Rebel], trans. by Yu. Denisov et al. Moscow: AST Publ., 2014. (In Russian)
- Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii, T. 10: Besy* [Complete Works, Vol. 10: Demons]. Leningrad: Nauka Publ., 1974. (In Russian)